

УДК 82 (470.67)

ЗВУКОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БАЯТОВ МАГОМЕДГАДЖИ ГАДЖИЕВА (ЧУКУНДАЛАВА)

С. Х. Ахмедов

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

Статья посвящена исследованию стилевых особенностей поэзии лакского поэта первой половины XX в. Магомедгаджи Гаджиева (Чукундалава). Особое внимание уделено поэтической структуре произведений поэта и особенно их звуковой организации (аллитерации, ассонансы, повторы, рефрены).

The article is devoted to the research of style features of poetry of Magomedgadzhi Gadzhiev (Chykyndalav), Lak poet of the first half of the XX century. Special attention is paid to the poetic structure, sound organization (alliterations, assonances, repetitions, refrains).

Ключевые слова: литература; поэзия; поэт; баяты; аллитерация; ассонансы; повторы, рефрен.

Keywords: literature; poetry; poet; bayat; alliteration; assonance; repetition; refrain.

Лакский поэт Магомедгаджи Гаджиев (Чукундалав) (1866–1938) прошел суровую трудовую школу, занимался отхожим промыслом в различных районах Северного Кавказа. Был репрессирован в 1937 г., реабилитирован посмертно в 1988 г.

Чукундалав сочинял стихи, которые записывал на аджаме в особый блокнот. Сам поэт называл свои стихотворения баятами, подражая поэтам тюркских народов. Стихи Чукундалава большей частью посвящены социальным вопросам, людям, с которыми поэта сводила судьба, различным конфликтным ситуациям. Есть у него и любовные «шанба» (шамма). Происхождение слова «шанба» (три) в лакской поэзии не ясно: то ли это три четверостишия, то ли короткое стихотворение. Жанр этот напоминает русские частушки, но без их веселых танцевальных ритмов. У лакцев под названием «шанба» подразумевают импровизацию коротких песен. Но у Чукундалава шанба – это и довольно большое любовное стихотворение.

Многие стихи Чукундалава начинаются с прозаической преамбулы, в которой поэт рассказывает, по какому поводу им написано данное стихотворение или чей заказ он выполнял. Далее следует само стихотворение. Оно предваряется фразой: «А теперь посмотрим, что скажет Чукундалав, что услышите вы» («Ала, Чукундалавл ци учай, зун ци баяй»).

Чукундалав писал стихи на вицхинском диалекте лакского языка. В своем творчестве он опирался на фольклор и литературные традиции своего народа, использовал диалектные, иноязычные (арабские, персидские, русские) слова [2].

Важной особенностью стихов Чукундалава является их замечательная звуковая организация (аллитерации, ассонансы, повторы, рефрены, риторические вопросы).

Чукундалав искусно подбирал слова, близкие по звучанию, что придает его стихам особую поэтичность. Вот, к примеру, строка из стихотворения «Наступил конец света» («Дуниял ахир хьунди»):

«Завутру зия хьунди, пабрикру пана хьунди».

«Заводы испортились, фабрики разрушились».

Слово «завутру», начинающееся со звука «з», влечет за собой слова «зия хьунди», тоже начинающиеся со звука «з»; следующее слово «пабрикру», которое начинается со звука «п», требует использования глагола, начинающегося с «п». Этот пример свидетельствует о том, что поэт специально подбирал слова, созвучные предыдущему слову.

В стихотворении, которое начинается со слов «Слушайте, герои» («ВичИи дишара, вирттал»), речь идет о несправедливостях, выпавших на долю бедноты до революции, и о том, как Ленин уравнивал в правах всех людей в стране, как он отнял богатства у буржуев, чтобы они не кичились ими. При этом поэт использовал слово «бурж» («укрепление»), созвучное слову «буржуй», а слово «богач» («давлатлу») повторил в одной строке два раза.

Буржуйтурал буржирдал гьануртту личин бувну,
Вай буржуйтурал буржру циняв лекьян кьабуврив?
Давлатлувтал хьуслийну хьуни хьанай бунутИий,
Давлатлувтурал хьусру канища кьазерххурив? [1, с. 77]

Фундаменты буржуйских крепостей вырвав,
Разве не разрушил все буржуйские крепости?
Поскольку богачи благодаря богатству возвышались,
Разве не отняли богатство богачей? [1, с. 83]

Слово «бурж» в лакском языке имеет два значения: «долг» и «укрепление, стена». Поэт использовал его во втором значении, хотя слово «укрепление» на лакском языке имеет и другие смысловые обозначения: «кьала, сангар, бару». Дело в том, что Чукундавалу важно было подобрать слово, созвучное слову «буржуй» (капиталист).

В стихотворении «Баб ан-надватрайн бавтИсса...» из 99 имен Аллаха поэт выбрал имя «Баки» (вечный) и к нему подобрал созвучные слова «бара, бара».

Бакьинал курандалай бара, бара! тИий буна,
Бара усса ттул тIама батIул дувайсса цанди?
Аьлимтурал элмулий аьдлу, аьдлу! тИий буна,
Аьй дакьасса на-гьарин гьагьан увайсса цанди? [1, с. 145]

В Коране Баки (Аллаха) сказано: свидетель, свидетель!
Мою балку, имеющую свидетеля, почему отделяют?
В науке алимов сказано: справедливость, справедливость!
Меня, беднягу, не имеющего вины, зачем было ломать? [1, с. 146]

Этот ряд олицетворений поэт дополняет словами «бара усса», «батIул дувайсса», которые начинаются со звука «б». В следующем двустипии слова начинаются с «аь». Этот ряд дополнен созвучными словами «гьарин», «гьагьан».

В стихотворении «МахIкамалул хIукмурдив» («Когда решения судебных властей...») доминирует звук «хI». Он повторяется шесть раз в двух строках:

МахIкамалул хIукмурдив хIиллардайн кIура бавну,
ХIакимтурал хIалунди хIайранну ливчIун ура [1, с. 147].

Когда решения судебных властей превратились в хитрости,
Делами начальства разочарованным остаюсь.

В стихотворении «Чаврил шамма» («Любовная шамма») повторяется слово «дахIалай» («завидую»), а также звук «хI» и близкие ему «хх», «хь»:

Агь, дахІалай, хІаби мурхь, вил чурххирал бюхъабу,
ДахІалайния ури вяйту хІаз ласайма [1, с. 289].

Ах, завидую тебе, тополек, как стройно твое тело.
Позавидовать можно тому, кто получает наслаждение от тебя
[1, с. 291].

О продуманности звуковой организации стихов Чукундавала свидетельствует четверостишие, взятое нами из большого стихотворения, обращенного к Сталину:

ХІакимтурал хІукмурду хІилмулий бачин бувма,
Залимтурал зулмула бедняктал буккан бувма,
Хаинтуран багъайсса ххулдурду ккаккан бувма,
Ттул ялун бивсса ххулду ххал дан дува, ИстІалин [1, с. 108].

Решения начальников гуманно проводящий,
Освободивший бедняков из-под ига злодеев,
Предателям указавший положенный им путь,
Пусть посмотрят путь, который мне выпал, Сталин [1, с. 114–115].

В первой строке звук «хІ» повторяется три раза, во второй звук «з», повторяясь, создает богатый звуковой орнамент, в третьей и четвертой строках близкие друг другу звуки «х» и «хх» повторяются четыре раза. При этом слово «ххулду» (путь, дорога) повторяется дважды. Конечные слова рифмуются: «бачин бувма» – «буккан бувма» – «ккаккан бувма».

Добавим к этому, что имя Сталин повторяется по всему стихотворению в четвертой строке. Если бы стихотворение было строфическим, мы бы сказали, что каждая строфа заканчивается этим именем, создавая своеобразный рефрен.

В некоторых стихах поэт использует в качестве рефрена риторические вопросы:

Баб ан-надватрайн бавтІсса кьурайштурал укунба
Майдансса ккурчІайн бавтІун, на оькки-ккаккан цанди?
Абу Жагъалдул лагма жануб лагайсса кунба,
Ца-цандал ца-ца буслай, ттуя бугьттан цибанди? [1, с. 143]
(«Баб ан-надватрайн бавтІсса»)

Как курейшиты, что собрались на Баб ан-надват,
Собравшись на просторный годекан, меня обличать зачем?
Как язычники, вокруг Абу Жахала собравшиеся,
Рассказывая каждый свое, возводить на меня хулу зачем? [1, с. 145]
(«На Баб ан-надват собравшись»)

В данном стихотворении риторический вопрос «зачем?» повторяется после каждого двустишия. Он передает уверенность автора в своей правоте и неправоте его оппонентов. Вопросы «зачем?», «почему?» и др. использованы Чукундавалом и в других полемических стихотворениях.

Риторическими вопросами Чукундавал заставляет читателя размышлять над поднимаемыми в его стихотворении злободневными проблемами.

Ва хъунбасса тамаша хІачІия хІачІайминдай:
Цалба ххалдилсса бакІру хараба бувайссарив? [1, с. 186]
(«Ва хъунбасса тамаша»)

Большое удивление вызывают пьющие спиртное:
Свои прекрасные головы разве можно разрушать? [1, с. 188]
(«Большое удивление»)

Данное стихотворение посвящено утверждению трезвого образа жизни, направлено против пьянства и алкоголизма. Наряду с другими средствами, использованными автором для показа вреда алкоголя, поэт прибегает к риторическим вопросам. Поэтические находки в нем дополнены аллитерациями: «ХІачІия хІачІайминдай».

В поэтических произведениях уместны повторы, и Чукундалав широко пользуется ими. Повторяются в его стихах риторические вопросы, отдельные слова, словосочетания. Так, в стихотворении «Ах, у мужчины портится внешний вид» («Ай, ца куц лияйла му адаминал») многократно повторяется мысль о том, что с наступлением старости сердце человека («дикІубу дакІ») страдает.

В стихотворении «Когда решение судебных властей» глагол «остаюсь» («ливчІунда») также повторяется неоднократно. Определения к этому глаголу постоянно меняются: «ослабевшим» («заэбну»), «горько» («кьурчІину»), «печально» («асьивну»), «дрожа» (зурзу тІий) и т.д.

Поэт очень часто прибегает к сравнениям. Своих оппонентов в ауле Куркли, злословивших по поводу строительства мельниц, он сравнивает с мекканскими курейшитами-язычниками, собиравшимися на Баб ан-надват вокруг злейшего врага пророка Мухаммеда Абу Жахала («На Баб ан-надват собравшись»); сына Абдулмажида Шарипа, обокравшего свою сестру, он сравнивает с Язидом, имя которого стало нарицательным, после того как он замучил и убил внука пророка Мухаммеда Гусейна («Кто друг, кто враг») («Дус цурвав, душман цурвав»). Больная девушка, находящаяся в кумухской больнице, сравнивает себя с пророком Юсупом, которого братья сбросили в глубокую яму в Египте. Героиня стихотворения «Я высоко летала» Курбан Патимат сравнивает свою горницу с горницей египетской Зулайхат, приготовленной для пророка Юсуфа. Наряду с такими кораническими и историческими сравнениями и аллюзиями поэт использует и чисто бытовые либо почерпнутые из фольклора сравнения. Так, тело красивой девушки сравнивается с топодем, с финиковым и гранатовым деревом, чинарой. Мужчина сравнивается с бриллиантом, девушка – с полной луной, яркой звездой.

Юноша сравнивает любимую с трехлетним голубем, жемчужным деревцем. Порой сравнения в стихах Чукундалава вычурны: «в душистом саду жемчужный соколенок» («аьмбарданул ахьубу ттиркьюкьал чІаба лачин»). Эпитеты в стихах Чукундалава («гривастый волк», «черноглазый коршун», «виноградные глаза») также имеют свои истоки в фольклоре. От фольклорных традиций берет свое начало психологический параллелизм в реквиеме о Зайдилаве: вместе с лирическим героем по Зайдилаву плачут травы на лугу, пески в Ногайской степи.

Метафорический ряд полностью вытекает из художественных средств: дерево, к примеру, из слоновой кости. Но и здесь есть метафоры, почерпнутые из жизни. Так, говоря о чабанах, не умеющих отличить жирную овцу от худой, Чукундалав имеет в виду руководителей, не умеющих отличить бедняка от кулака, труженика от кровопийцы (в стихотворении, названном «Не имеющий дома») («ИкІан кьатта бакъама»).

В уже упомянутом стихотворении «На Баб ан-надват собравшись» автор прибегает к оригинальной метафоре: обвинение его в воровстве балки с мельницы односельчанином, которую на самом деле он вытащил из разбушевавшейся реки, так же нелепо, как обвинения в адрес солнца и луны:

Бургъий зуна бивхьуну, зуруй цурк цукунссари? [1, с. 144]

Как обвинить солнце в блуде, а луну в воровстве? [1, с. 146]

Здесь аллитерации составляют слова со звуком «з», «гъ». Стихам Чукундавала свойственны и олицетворения. В стихотворениях, посвященных убитым исподтишка юношам, даются следующие олицетворения: здесь щебенка в реке и листья на дереве плачут. И в этих стихах мы наблюдаем аллитерации и ассонансы: «хх-хх-х», «я-ю-аь-аь-оь-аь».

Лакку ляълу жавгъар хъхъирибун багъну,
Неххабусса ххюлул мяоь бувунди
Чинарданул хІаби мархлула аьвну,
Мурхъхъирайсса чІапІив аьтІун бивкІунди [1, с. 273]

Лакский драгоценный камень упал в море,
Щебенки в реке устроили плач.
Чинара сгнила на корню,
Листья на дереве стали плакать [1, с. 276]

В любовных «шанба» поэт прибегает к известным в народной поэзии мотивам: юноша хочет привязать коня к своему стойлу, надев на него уздечку любви, «ястреба с золотыми перьями» желает посадить на руку, опутав опять-таки его любовными узами.

Для поэзии Чукундавала характерна антитеза: противопоставление современной ему действительности и прошлой, дореволюционной жизни, зимних морозов («цІакъсса дякъибух») и летнего зноя («цІарал бургъилух» – «под огненным солнцем»), безупречного Абдулмажида и его вороватого сына Шарипа и т.д.

Своеобразны благопожелания и проклятия Чукундавала. Так, например, благопожелания поэт щедро высказывает в адрес должностных лиц Лакского района, тех, кто хотя бы добрым словом его поддержал, а тех, кто его раскулачил, назначил ему индивидуальный налог, он проклинал.

Таким образом, поэт создал свой особый поэтический мир. Предстоит еще постигнуть этот мир и определить его место в дагестанской поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. ХІажиев МахІаммадхІажиев (ЧукІундалав). Назмурду. Магомедгаджи Гаджиев (Чукундалав). Стихотворения. Махачкала, 2016. 336 с.
2. Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы X Всерос. конф. Вып. XI. Махачкала, 2015. С. 25.

Поступила в редакцию 24.08.2016 г.
Принята к печати 26.12.2016 г.